

Вадим
Чекунов

ШАНХАЙ.
ЛЮБОВЬ ПОДОНКА

Москва
T8 RUGRAM
2019

УДК 821.161.1-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Ч-37

Чекунов, В.

Ч-37 Шанхай. Любовь подонка / В. Чекунов — М.: Т8 Издательские технологии/RUGRAM, 2019. — 424 с.

ISBN 978-5-521-92711-1

Главный герой романа Вадима Чекунова «Шанхай» живет в Поднебесной. В российском прошлом остались: теракт на Каширке, после которого герой принял окончательное решение уехать из России, любимо-постылая бывшая жена и вся русская культура в целом, обращения к которой наполнен роман.

И вдруг, нечаянным даром небес, в его жизнь приходит любовь к юной китайской девушке, в платье из красных шелков, где золотом вышиты осы, цветы и драконы. Любовь, которая прекрасна, как жизнь, и неотвратима, как смерть...

Тема смерти — будущей, неизбежной — постоянно присутствует в тексте, начиная от взрыва на Каширском шоссе и заканчивая страшным землетрясением в Сычуани. Из этнографических заметок автор создал исповедальный роман о жизни и любви русского человека за границей.

УДК 821.161.1-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-92711-1

© Вадим Чекунов, 2010
© Т8RUGRAM, оформление, 2019

И вот мне приснилось, что сердце мое не болит,
Оно — колокольчик фарфоровый в желтом Китае
На пагоде пестрой... Висит и приветно звенит,
В эмаливом небе дразня журавлиные стаи.
А тихая девушка в платье из красных шелков,
Где золотом вышиты осы, цветы и драконы,
С поджатыми ножками смотрит без мыслей и снов,
Внимательно слушая легкие, легкие звоны.

Н. Гумилев

力不从心¹
ВМЕСТО ПРОЛОГА
МОСКВА

— Мне надо п-позвонить... Домой, — говорит Инна и пьяно смотрит на меня. — У тебя есть телефон?

Меня злит, когда она напивается так быстро. Раздражает ее пристрастие к пойлу в жестянках, в которых нет ничего, кроме голимого спирта и химии. Любой идиот это знает, но она уверена, что это все несерьезно: «винтаж» и «ром-кола» благороднее, чем очаковский «джин-тоник», хотя еще год назад хлестала хининовую дрянь каждый день.

— Ты меня напоил... Или отвези меня домой, или дай телефон. У тебя есть мобильник?

У меня нет мобильного. Ни дорогого, ни дешевого. Потому что дешевых мобильных не бывает. У меня нет машины. По той же причине. Я почти никому не звоню, сильно пью и езжу на троллейбусе и метро.

Но у меня есть дом. Крохотная «двушка» на Развилке. Я живу в ней всего месяц. Первый месяц самостоя-

¹ При всем желании не в силах (*кит.*).

тельной жизни. Бегство от матери, от пейзажа за окном, от пустого отцовского места за столом.

Переезд на место, где расходятся Варшавка с Кашпиркой, а между ними куда-то на юг тянется ветка железной дороги, виделся мне судьбоносным.

Открытые пути.

Жизненный выбор.

Все по плечу.

Выбор оказался предсказуемым. Все оказалось по одному месту.

Отмечали с коллегами на факультете первое сентября, новый учебный год. Результат — двухнедельный запой, чудом прерванный звонком Инны.

Так и не могу понять — она действительно случайно нашла мои книги и в порыве благородства решила вернуть, или это был всего лишь предлог.

— Нет. Дома есть телефон, обычный. Поехали ко мне, оттуда позвонишь.

Мне самому непонятно, зачем я это ей говорю. Вообще часто не понимаю своих поступков.

Тем более — в отношении жены.

Бывшей жены.

— Наверное, я скоро уеду.

Придвигаю к себе пакет с книгами и смотрю на Инну.

Она делает движение бровями.

ШАНХАЙ. ЛЮБОВЬ ПОДОНКА

Пытаюсь понять — означает ли это «куда?» или простое «ну и?»

— В загранку. Приглашают поработать, по специальности. Сеять разумное и доброе. В общем, в Китай зовут. Я, правда, не знаю... Не отказался пока... Но стремно как-то. Все чужое совсем...

Инна едва заметно усмехается.

— Ты там будешь как Гулливер... А поприличней страны не нашлось? На сколько ты едешь и когда?

— Зимой. Документы оформить, туда-сюда... На один семестр. Летом вернусь. А может, понравится — тогда останусь. Кстати, Китай страна приличная. Просто совсем другая.

Снова усмешка, уже явная:

— Сомневаюсь. Впрочем, может быть. Может быть...

Пальцами она барабанит по пластику стола — я слышу легкие щелчки.

— А я, если все сложится, перееду в Питер. Там проще, и работу предложили хорошую. Не спрашивай, что и как. Пока не срастется, не могу сказать.

Киваю.

И не собирался спрашивать.

Питер, так Питер.

Так даже лучше.

«Дан приказ — ему на запад. Ей — в другую сторону...»

В нашем случае наоборот — мне в другую сторону.

Сидим молча, не глядя друг на друга.

Одно радует — музыку уже выключили. Разговор у нас все равно не клеится, но без музыки — лучше.

Как разговаривать, когда она кивает дурацкому «часики тикают — тик-так»?.. Что в ее голове?

Замечал за собой: как только надираюсь, теряю адекватность, и мне начинает нравиться наша попса. Нахожу в строчках глубинный смысл, тонкую душевность и даже подпеваю, пугая соседние столики.

Сейчас я не трезв, но и не пьян настолько, чтобы сожалеть о ночной тишине.

К черту музыку. К черту все...

Попсу она всегда слушает с удовольствием. Ссорились с ней из-за этого не раз, смешно сейчас вспоминать. «Как ты можешь слушать людей, которые издеваются над твоим родным языком?» Один из ответов мне запомнился. «У тебя физиономия и замашки дворового гопника, просто курьезно, когда сквозь это пытается вылезти преподаватель-филолог».

К нашему столику подходит официантка с усталым некрасивым лицом. В руках у нее замызганная тряпка. Прямо перед моими глазами.

Я — такая же тряпка. Мокрая, безвольная, грязная. Мною уже и не вытереть ничего. К чему ни прикоснусь — лишь испачкаю.

— Молодые люди, мы закрываемся.

Кроме нас, в кафешке только два толстых мужика за угловым столиком

У меня нет даже наручных часов. Но я знаю, что уже второй час.

Завтра на работу.

ШАНХАЙ. ЛЮБОВЬ ПОДОНКА

За широким окном дождливая темень.

Погасшая буква «М» над подземным переходом и входом в метро.

По мокрой Профсоюзке, желтой от фонарей, катят машины.

Блестят, переливаются отраженным светом.

Притормаживают, зажигая красные огоньки, на светофоре.

У меня нет машины. И, наверное, никогда не будет. Но у меня есть место, где можно жить. Главное — не упустить шанс на эту жизнь.

Выбрать правильную дорогу, свернуть в нужную сторону.

Расплачиваюсь. Осталось совсем немного на тачку и, если повезет, — на троллейбус завтра.

На работе у кого-нибудь займу. Если одолжат, конечно.

Еще есть заначка, маленькая совсем, но она — на крайняк, «н/з».

Инна наклоняется над столиком и выставляет указательный палец.

— Только не приставать. Я поеду к тебе, но ты должен обещать, что не будешь.

— Что не буду?

Смотрит удивленно.

— А ничего не будешь.

— Хорошо. Обещаю. Поехали. Что?

Откидывается на спинку стула и корчит гримаску.

— Ну, ты такой неинтересный...

Началось... Не сдерживаюсь, закипаю:

— Блядь, что не так?! Ты просила — не приставать. Я сказал — хорошо, не буду. Что теперь?

Ее лицо мгновенно принимает знакомое выражение — жесткое, волевое.

Последний раз я видел его таким полгода назад, при разводе. А раньше — почти каждый день.

— Если ты еще раз матернешься при мне... — тянет она сигарету из пачки. — Если хоть один раз еще... Я встану и уйду.

Пальцы ее, длинные, с аккуратными ноготками, подрагивают и все никак не могут ухватить тонкую сигарету.

— Прости, — накрываю ее пальцы ладонью. Они, к моему удивлению, холодные и совершенно чужие. Как будто не их целовал совсем недавно еще, не они сжимали и гладили меня, не они пробегали по моим плечам и спине...

Вырывает руку и убирает сигареты в сумочку. Отворачивается к окну. Интересно, пытается она там разглядеть что-нибудь или просто смотрит на свое отражение?..

— Давай поедem уже. Поздно. Мне на работу завтра, — встаю со стула и надеваю куртку. Ту самую, что она мне купила.

Официантка что-то говорит мужикам в углу. Те, коротко стриженные, в кожаных куртках, отмахиваются. Показывают на недопитую бутылку коньяка.